

Культура. — 1996. — 28 сент. — С. 9.

Песня Резо Габриадзе

МЕСТО ДЛЯ “ЗВЕЗДЫ”

Наталья КАМИНСКАЯ

“Песня О Волге (Сталинград)” — последняя работа художника, писателя и режиссера, начатая в Москве, но фактически сделанная в Санкт-Петербурге, — на этой неделе игралась в столице. Крошечный театр “Около дома Станиславского”, естественный для Габриадзе, чуждающегося крупных форм, явно не вмещал всех желающих. После полутора часов, проведенных наедине с куклами, музыкой и текстом, люди выходили на улицу, тайком утирая слезы.

Описывать этот спектакль так же трудно, как рассказать песню. И слова не выкинешь, и прозой не заменишь. Что делает у Мастера крошка-кукла, как возникает у нее щемящая пластика страдающего человека? Как ведро с окошками превращается в мчащийся поезд, а ряды одинаковых блестящих касок — в нескончаемые, зловещие арманы завоевателей?

Из белого песка забвения поднимается пронзительно светлый лик погибшего солдата.

А с венского стульчика, как в детской книжке-раскладушке, отгибаются шахматист Эмануэль Ласкер и драматург Бертольд Брехт. Немецкое кафе 37-го года, отголоски забытого “Кабаре” Боба Фосса...

Вторая мировая простирается у Габриадзе на Европу и Азию, на Германию и местечковые

уголки Киева — на всю Вселенную, где страдают жертвы, но в конечном счете и палачи. Встреча немецкого генерала с лошадью Алешей — контрапункт войны и мира, извечный поединок между завоевателем (от Марка Аврелия до фельдмаршала) и мирной божьей тварью. Лошадь здесь — тот же человек, любит, страдает от ран, разговаривает, ходит с поручениями.

Муравыха, потерявшая ребенка, голосом Лии Ахеджако-

вой вопрошает: “Сколько человек погибло, сколько пушек и танков? Все подсчитали. А нас, муравьев, кто сосчитает?”

Можно сказать, в этих словах и есть смысл маленького шедевра Габриадзе.

Но он — в каждом мгновении. В детском наиве и вековой мудрости, в лукавой иронии и внезапном надрыве, в печальном повороте лошадиной головы и скорбном наклоне одинокого телеграфного столба.

Пока на большой сцене в блестящих фейерверках и роскошных одеждах звучали брехтовские зонги “Трехгрошовой оперы”, на маленькой сцене, на которую и впрямь затрачено три гроша, картонный Бертольд допивал свой кофе, а завтра была война.

Хорошее шоу стоит дорого. А песня, если она не шлягер, что с нее возьмешь? Обыкновенное бесценное чудо души и таланта.

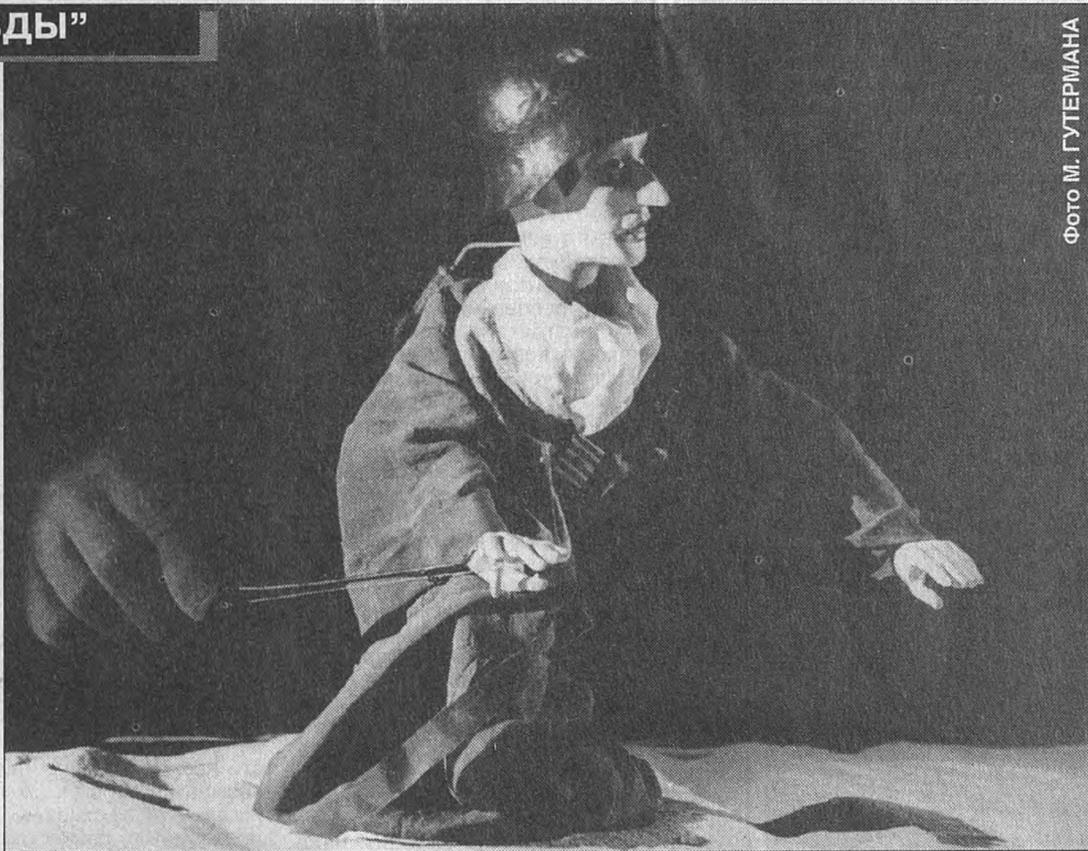

ФОТО М. ГУТЕРМАНА